

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная Газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО**, **А. БОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛИДИНА**, **И. СЕЛЬВИНСКОГО**, **А. СЕЛИВАНОВСКОГО**,
М. СУБОЦКОГО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСНЕВИЧ**.

№ 6 (497)

Среда, 30 января 1935 года.

ЧЕХОВ И САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

9 апреля 1888 г. Чехов писал А. Н. Плещееву: «Получил я вчера от вашего Ал. Ал. письмо, в котором он приводит строки из вашего письма к нему. Пишет о Салтыкове... для меня крайне лестно». И действительно, в Рукоп. отд. Ленинской б-ки есть еще неопубликованное и ни разу не упоминавшееся письмо к Чехову сына поэта Плещеева. — А. А. Плещеева, который пишет: «Был отец у Салтыкова, который в восторге от «Степи». «Это прекрасно», — говорит он отцу и вообще возлагает на Вас великие надежды. Отец говорит, что он редко кого хвалит из новых писателей, но от Вас в восторге».

Истинная же мера того, какое значение могло иметь для Чехова суждение о нем Щедрина, определяется не словами «крайне лестно», а самим отношением Чехова к Щедрину.

Обычно имена Чехова и Щедрина связывались между собой главным образом как имена представителей смеха в русской литературе. Только в самое последнее время промелькнуло несколько конкретных указаний на связь Чехова с Щедриным («Душечка» и «Кузина Машенька» и «Хмурые люди» и «Мелочи жизни»). Кроме того дважды в рассказах Чехова упоминается и самое имя Щедрина. Рассказчик в «Человеке в футляре» говорит: «Мыслящие, порядочные читают Щедрина и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели — то-то вот оно и есть».

Щедрина «не признавали в гимназии» до конца его дней. Началось же это еще в то время, когда граф Д. Толстой насаждал в гимназиях «классицизм». Чехов в письме к А. Н. Плещееву после смерти Щедрина пишет следующие знаменательные слова: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик. Издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» (14 мая 1889 г.). Голос Чехова приобретает не совсем обычные для него по резкости тон и выражения. «Сволочный дух мелкого, измощенничавшегося душевно интеллигента среднего пошиба» — это определение, достойное занять место среди определений самого Щедрина. Обращают внимание слова Чехова: «Две трети читателей не любили его». Кого здесь разумеет Чехов? Конечно, все того же душевно измощенничавшегося либерального интеллигента, который любить Щедрина во всяком случае не мог. Это огромный контингент читателей, который, приспособляя в своем сознании и опошляя Чехова своей любовью к нему, не мог бы выдержать встречи со Щедриным — своим решительным разоблачителем. Теперь мы достоверно знаем, что читатель-рабочий не только уважал Щедрина, но и любил. Напечатанное в «Литературном наследстве» в. 13—14, Щедрина, II, стр. 217—220 обращение рабочих г. Тифлиса к жене Щедрина по поводу его смерти является ценнейшим документом, подтверждающим это.

Когда Чехов стал общепризнанным любимейшим писателем, большинство его почитателей, можно прямо сказать, не знало Щедрина, не читало его совсем.

Но сам Чехов, прошел ли он мимо Щедрина? Нет. В начале 80-х годов, когда Чехов, студент-медик, занимался в больнице под Воскресенском, в его ближайшем кругу «Сал-

тыков-Щедрин не сходил с уст, — им положительно бредили» (Мих. Чехов. «Чехов на кавикулах». «Чеховский сборник», I, М. 1929, стр. 112). И еще раз о том же времени: сочинениями Щедрина «тогда зачитывались»; среди журналов наибольшим успехом пользовались «Отечественные записки»; «много говорили о Щедрине» (Мих. Чехов: «Вокруг Чехова». «Academia», 1933, стр. 119—120).

В свою очередь приведу несколько отрывков из Щедрина, в которых нельзя не усмотреть параллелей и аналогий с тем, что встречается в произведениях Чехова. Все знают и помнят слова Чехова в конце «Скудной истории»: они характеризуют идейный распад его времени: «Во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы это в одно целое. Каждое чувство, каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях... даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, богом живого человека». Вспомним также слова Чехова из той же повести о равнодушии как «параличе души, преждевременной смерти»; о бедности мировоззрения — вообще у Чехова жалобы на скуку жизни, вялость и пр. У Щедрина: «Нет широких убеждений, нет великих целей, нет стремлений и идеалов, отовсюду выглядывают жалкие обрывки, стоящие особняком, не соединенные между собой никакой связующей идеей» («Итоги», гл. V). «Источники замутились, задачи утратили первоначальный смысл; в результате — приостановка жизни, равнодушие, почти оцепенение. Всякий, кто отдает себе серьезный отчет в том, что происходит кругом него, должен будет сознаться, что трудно представить жизнь, более сдавленную гнетом собственной вялости и бедности стремлений и идеалов» (там же, гл. I).

Но ближе всего к рассказам Чехова, конечно, «Убежище Монрепо». Щедрин дает картину трепета, страха, душевной боли. В родственных Чехову лирических интонациях Щедрин рисует средь промышленного капитала: «Какая, однако ж, загадочная, запутанная среда! Какие жестокие, неумолимые нравы! До какой поразительной простоты формы доведен здесь закон борьбы за существование!» («Благонамеренные речи»). И далее опять: «Какая загадочная, запутанная среда и какое жалкое положение «дурака» среди этих неумных, но несомненно сноровистых и хищных людей... Все настойчивее и настойчивее всплывала другая решимость: бросить! бросить все и бежать... Мое место совсем не тут, не в мире продаж, войн, трактатов и союзов, а где-то в безвестном углу, из которого мне никто не препятствовал бы кричать вслед несущейся мимо меня жизни: возьми все — и отстань!» («Кандидат в столпы»). В очерке «Привет» из «Благон. речей» снова читаем: «Нам нужна ноющая сердечная боль, и покамест это все-таки — лучший (самый честный) modus vivendi из всех, которые предлагает нам действительность».

Видел Щедрина и приход «хмурых людей»: «Соберетесь, хмуритесь, никакого разговора последовательно до конца не можете довести. Посмотришь на вас, точно вы и нивесть какие преступники» («Круглый год»).

Положительное значение Чехова для наших дней во многом обязано именно воздействию на него Щедрина, так как Щедрин был одним из «учителей» Чехова, способствовавших его внутреннему росту и сохранению его как прогрессивной силы.

ИОСИФ ЭИГЕС.